

ДАРЬЯ ЕФИМОВА*

ИНТОКСИКАЦИЯ ЛЕСОМ КАК СЛУЧАЙ ЗАХВАЧЕННОСТИ**

Получено: 15.05.2022. Рецензировано: 05.08.2022. Принято: 10.08.2022.

Аннотация: В цикле лекций «Лес (hyle): (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии)» Владимир Бибахин, рассматривая аристотелевское понятие материи, неоднократно упоминает различные дурманящие вещества. Цель этого упоминания с первого взгляда не очевидна, поэтому задача настоящей статьи — прояснить ее и определить, как рассуждение о дурманящих веществах помогает в интерпретации понятия материи. Для этого автор статьи рассматривает бибахинскую трактовку аристотелевского понятия материи и сравнивает ее с толкованиями ряда других комментаторов: Т. Васильевой, П. Рикёра, А. Чанышева, А. Чернякова. Особое внимание обращается на неопределенность материи, поскольку в этом моменте интерпретации В. Бибахина и П. Рикёра расходятся. После объяснения принципиальной неопределенности материи показывается, почему вопрос «Что такое материя?» представляется непродуктивным, и ставится альтернативный феноменологический вопрос: «В каких отношениях с материей мы находимся?» Чтобы дать ответ, используется понятие захваченности В. Бибахина, словарное значение слова материя (лес) и понятие интоксикации, введенное автором статьи для обозначения эффекта, производимого дурманящими веществами. В их свете рассматривается выход человека из метрических и нравственных координат, ослабление нормирующего контроля сознания, устранение понятий нормы и формы, возвращение к собственному. Благодаря описанию состояния захваченности как следствия интоксикации лесом показывается, в каком смысле материя является неопределенной.

Ключевые слова: В. Бибахин, Аристотель, материя, форма, лес, захваченность, интоксикация.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-92-104.

В 1997–1998 годах Владимир Бибахин читает на философском факультете МГУ курс «Лес (hyle): (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии)». Для разбора аристотелевского понятия материи философ обращается к словарному значению этого слова — к лесу, строительному материалу, кустарникам, дровам, необработанному материалу (Древнегреческо-русский словарь, 1958/1960: 1662). Через материальную близость (деревянные винные

*Ефимова Дарья Романовна, студентка, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), st071765@student.spbu.ru, fubaba@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0542-1114.

**© Ефимова, Д. Р. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

бочки, опилки в табаке) он переходит к пониманию леса как дурманящего вещества, вызывающего зависимость, подобно алкоголю или наркотикам. Уже в предисловии к курсу читаем:

Лес с его неметрическим пространством [...] через мечты о первобытном, лесном, косматом человеке, через мифопоэтику мирового дерева, через возвращение в нашей современности оторвавшихся от природы человеческих масс к эрзацам леса в табаке, вине и наркотиках принадлежит к реалиям современного человечества в гораздо большей мере чем это принято признавать (Бибихин, 2011: 5).

Забегая вперед, упомяну еще один способ сказать об этом внушающем свойстве леса: говорят, что он действует как наркотик, слабый или сильный, это опять же зависит от особенностей опыта (там же: 21).

И далее (там же: 169): «Наркомания показывает, что несколько грамм химии снимают норму и форму».

Упоминание дурманящих веществ в лекциях, цель которых — рассмотрение аристотелевского понятия материи, удивляет. Поэтому мы задаемся вопросом: что нам эти упоминания дают, что они проясняют в *hyle* Аристотеля?

Сразу отметим: они не помогают определить понятие материи. На конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Владимира Вениаминовича, после доклада Майкла Мардера был задан вопрос: «Лес — что это такое? Это метафора, образ, это категория, концепт?» В ответ М. Мардер подчеркнул (Мардер, 2013):

«Что это такое?» — коренной вопрос философии, и, поскольку, задавая его, мы сразу попадаем в тупик, постольку он не представляется продуктивным.

Бибихина интересует не *что*, но *как* — он обращает наше внимание на опыт материи. Стоит не определять, а феноменологически описывать, отвечать на вопрос «Как нам быть?» или «Как мы уже есть?» вместо привычного «Что это?». Для того чтобы понять, каков наш опыт леса, а также какое место интоксикация дурманящими веществами занимает в рассматриваемом цикле лекций, в качестве опорной точки обозначим ряд принципиально важных для В. Бибихина моментов в интерпретации аристотелевского понятия материи.

В. Бибихин предлагает нам прочитать «Физику» и «Метафизику» Аристотеля через следующую гипотезу: материя у Аристотеля, так же как и у Платона, может быть рассмотрена как эйдос. В цикле лекций не проводится четкого различия между идеей, эйдосом и формой —

часто они перечисляются через запятую и характеризуются как полнота, изобилие, богатство, которые ни в чем не нуждаются (Бибихин, 2011: 83, 87).

Сближение эйдоса и материи обуславливается тем, что и эйдос, и материя не возникают и не уничтожаются. Иллюстрацию данного тезиса можно обнаружить в работе П. Рикёра «Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля» (Рикёр, Вдовина, 2019: 239):

...ни материя, «из которой» возникает вещь, ни форма, «которой» стала вещь, не возникали; изготавливая бронзовый шар, ремесленник не изготавливает ни бронзы, ни шара.

Материя также сходна с эйдосом той божественностью, которой обладает $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\varsigma$ (единственное свойство материи). «...Значит в своем стремлении аристотелевская материя и есть то же что платоновская, божественная идея», — заключает В. Бибихин (Бибихин, 2011: 90). $\Sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\varsigma$ может быть понят двояко: как лишенность и как стремление к доброду, полному, годному, хорошему, как стремление к эйдосу, подобному тому, о котором говорит Платон в диалоге «Пир» (там же: 90, 171). В нем Сократ утверждает, что каждый человек желает блага и стремится к вечному обладанию им; он называет это стремление любовью в самом широком смысле слова (Платон, Жебелев, 1922: 52). Оно присуще всем людям, но может быть направлено на различные цели. Всякое стремление к благу — это стремление к бессмертию, а добиться бессмертия можно разными способами: первый — телесное бременение и деторождение, второй — бременение духовное, в котором тело выступает лишь средством, позволяющим через красоту одного тела увидеть прекрасное как таковое и посвятить ему «размышления в любви изобильной мудрости» (там же: 59), которые на века останутся в истории. Платон указывает на то, что именно второй способ направлен на достижение истинной добродетели, поскольку человек, который

будет в состоянии рожать не призраки добродетели, но — так как он соприкасается не с призраком — истинную добродетель — так как он соприкасается с истиною (там же: 61).

В. Бибихин показывает, что крайне трудно зафиксировать существенную разницу между истинной добродетелью и неистинной, так как указание на последнее действие, последний штрих, в результате которого нехватка переходит в полноту, эйдос, представляется невозможным (Бибихин, 2011: 120):

Разница между эйдосом и лишением как между да и нет, добром и злом, и она касается человека: человек может позаботиться о том, чтобы по крайней мере заметить если не обеспечить разницу между совершенством, добротностью, полнотой и промахом, провалом. А велика ли разница? Ее просто не видно.

И далее (Бибахин, 2011: 103): «...разницы между материей и эйдосом нет или [...] мы так запросто ее не заметим».

Проблематизируя различие между материей и эйдосом, В. Бибахин подчеркивает, что материя всегда уже все в себе содержит, и поэтому неясно, какую роль играет форма. Чтобы ответить на этот вопрос, Владимир Вениаминович, вслед за Аристотелем, предлагает понять материю как мать, а форму — как отца (там же: 104, 106). Материя все в себе уже содержит, и форма к ней ничего не прибавляет, но первая не может реализоваться сама, стать действительной. Для того чтобы материя осуществилась, нужна цель, под которую она сможет подстроиться. Именно эйдос (вид) делает материю видимой, заметной, определяет ее. Пила создается из железа, но не из-за железа. Есть цель — пилить. И под эту цель подтягивается материя — железо, «а так железа пожалуй и не было бы вовсе» (там же: 91). «Цель причина материи, — цитирует В. Бибахин Аристотеля и добавляет, — правда конечно что и наоборот» (там же: 92). Не только женщина не сможет стать биологической матерью ребенка без мужчины, но и мужчина не станет отцом, если нет женщины, материи.

Для лучшего понимания мысли В. Бибахина обратимся к ряду комментаторов Аристотеля и соотнесем их прочтение с интерпретацией Владимира Вениаминовича. Так, А. Г. Черняков утверждает, что

...материя (неопределенное, но подлежащее определению) есть только как оформленное посредством иного, а форма есть (в строгом смысле) только как оформившая иное (Черняков, 2001: 95).

Когда речь идет о форме и материи, понятие формы не употребляется Аристотелем в том значении, которое мы часто используем в повседневной речи (форма мяча — круг, форма кирпича — прямоугольник). Самым близким синонимом формы здесь могло бы стать слово «предназначение». Показательные примеры приводит Т. В. Васильева (Васильева, 2002: 195):

Ошибается, кто представляет «форму топора» как насаженный на топорнице острый с одной стороны, утяжеленный с другой стороны кусок металла. «Форма топора — раскалывание», — поправит его адепт аристотелевской школы.

То, как мы определяем материю и форму той или иной вещи, во многом зависит от выбранной нарративной рамки. Пальма (материя) может принимать и форму пальмы, и форму «родовспомогательного снаряда» (как в мифе о богине Латоне), и форму реквизита для съемки голливудского кино. Все зависит от того, какая цель была поставлена (Васильева, 2002: 195–198).

С помощью вышеобозначенного примера нам будет легче понять материю как под-лежащее, которое следует заметить и определить. Можно было бы сказать, что необразованный человек подлежит образованию, и важно только увидеть эту необразованность. Но В. Бибихин предостерегает нас от данного упрощенно-схематизированного понимания: почему мы думаем, что необразованный человек — это обязательно невежда, а медь, из которой делается статуя, безобразна? Здесь важно подчеркнуть: субстрат («то, из чего») статуи — это не бесформенность или безобразие, а медь, мрамор, дерево и другие возможные материалы; материя же для образованности — не невежество, а сам человек. В процессе образования он никуда не пропадает, но формируется тем или иным образом, так и оставаясь «лежать-под» (Бибихин, 2011: 79).

Материя до своей действительности, оформленности не безобразна и не беспорядочна, она не противостоит эйдосу (форме), но подлежит ему. Противостоящее (хаос, бесформенность) появляется, только когда материя уже замечена и оформлена, то есть когда цель осуществлена. Хаос противостоит не материи, а форме. Поэтому рассмотрение понятий материи и формы как бинарных оппозиций ошибочно: материя «занимает место просто на другом полюсе такой важной вещи как эйдоса» (там же: 57). И здесь мы вновь можем увидеть сближение понятий эйдоса и материи. В. Бибихин пишет (там же: 109):

Материя это эйдос в потенции не в том смысле, что из нее можно изготовить эйдос, а в том смысле, что она хочет стать эйдосом и тянется к смыслу, сама от себя.

Поэтому нам представляется поверхностным понимание материи, предлагаемое А. Н. Чанышевым (Чанышев, 1986: 43):

Такой материал как предмет деятельности людей сам по себе, как мы знаем, пассивен: глина без человека превращается в керамические изделия разве что в сказках. Здесь необходима целенаправленная и умелая деятельность человека. Так же и материя вообще как материал природы, согласно Аристотелю, пассивный, сырой, необработанный материал, который сам по себе ничего из себя произвести не может.

П. Рикёр мог бы ответить А. Чанышеву, что, только если бы мы рассматривали понятия материи и формы статически, не обращая внимания на динамическую пару потенция-акт, можно было бы говорить о материи как о чем-то пассивном, неопределенном и непознаваемом (Рикёр, Вдовина, 2019: 224). Однако

три места («Физика», II 1–3, «Метафизика», Z 7 и «О частях животных» I 1) подтверждают, что анализ уже не статичен, но всегда соотносится с этапами процесса производства. [...] ...материя больше не отождествляется с инертным, неопределенным, непознаваемым субстратом, но представляет собой в процессе изготовления менее определенное в соотнесенности с более определенным (там же: 225–226).

В. Бибихин также указывает на относительную определенность, говоря о том, что «...эйдос статуи например можно продиктовать скажем меди, но уже с трудом воздуху» (Бибихин, 2011: 57). Несмотря на это, В. Бибихин неоднократно приписывает материи и принципиальную неопределенность (там же: 26, 60, 83, 116). Этот момент важен для интерпретации аристотелевского понятия материи, ведь если мы принимаем материю за что-то абсолютно непознаваемое, то уходим от стремления Аристотеля рассматривать материю как вот эту, конкретную, наличествующую.

Сергей Хоружий отмечает, что неопределимость леса —

это общая бибихинская философская тема, это его стратегия начала философствования. Лес определяется своей неопределенностью. Владимир Вениаминович здесь находит остроумный [...] способ отказаться от работы определять. Обычная стратегия развертывания философского дискурса: дадим некоторые исходные дефиниции. Владимир Вениаминович: докажем, что нельзя и не надо давать дефиниции (Мардер, 2013).

Тогда невозможность ориентироваться в лесу — лишь исключение той строгости, которая заложена в любого рода определениях.

Если материя не определена и определять ее не следует, то как подступить к этому понятию? Необходимы слова, не нагруженные философскими коннотациями, которые не структурировали бы материю, а позволяли бы ей проявить себя. Эти слова также не должны быть статичными в своих дефинициях — скорее необходимо, чтобы они позволяли описать процессуальность, высветить принципиальную неопределимость материи. Как говорит В. Бибихин в курсе о собственности,

привычная тысячелетняя философская лексика сущности, субстанции, истины, единого, бытия, ничто по справедливости кажется в своем рутинном академическом применении иррелевантной (Бибихин, 2012: 46),

поэтому для объяснения материи мы используем понятия «лес», «интоксикация», «захваченность».

Лес понимается В. Бибихиным чрезвычайно широко, под этим словом объединяются как определенные вещества, так и состояния (Бибихин, 2011: 27):

Материя как власть леса, мощь его вещества, дым табака, вино Вакха, наркотик, опьянение, экстаз. Лес, материя, из которой все, похож не на древесину для плотника, а на страсть, род, рошу Афродиты, дым и дух табака, опьянение Вакха, Диониса, отравы коки. Лес тогда и пожар, огонь страсти. Когда Аристотель называл первовещество лесом, он имел перед глазами этот лес.

Понятие интоксикации сам Бибихин не использует, но мы введем его для описания отношений леса (в его превращенных формах) и человека. Субъект впускает в себя что-то, дает чему-то стать частью себя, дает обмануть, отравить себя. Эта новая часть путает, расшатывает остальные, выводит из привычного, усредненного существования. Иллюстративное описание понятия захваченности приводит А. Ахутин (Ахутин, 2019):

Бодрствующему самосознанию, которое хочет держать все под контролем, ВВ [Владимир Бибихин] противопоставляет самозабвенную захваченность. Как в детской захваченности игрой или горем, как в захваченности любовью или музами, человеком — в главном — движет не контролирующее сознание, а скорее уж инстинкт, чуткость, доверчивая вовлеченность в происходящее без страха и надежды, что вовремя подхватят.

Состояние интоксикации лесом можно описать как частный случай захваченности, который характеризуется тесно связанными друг с другом моментами:

(1) Захваченность выводит из метрического пространства.

Лес В. Бибихина «первобытный, беспросветный, лес поздний, мегаполисов», лес табака, вина, наркотиков; ориентация в нем затруднена или вовсе невозможна (Бибихин, 2011: 73). Свойственная интоксикации дезориентация помогает представить материю как неоформленную, но лишённую хаоса. Заблудившись в лесу, человек может идти, но направление ему неизвестно. Например, В. Беньямин, описывая опыт употребления наркотиков, передает трансформации пространства так:

«Передо мной вид чрева Марселя. Улица, которую я так часто видел, как будто прорезана ножом» (Беньямин, Берновская и др., 2013: 293). И далее (там же: 295–296):

Я выбрал это место ради открытого окна, через которое было хорошо смотреть вниз на темную площадь. И, выглядывая туда время от времени, я заметил, что площадь имеет свойство меняться вместе с каждым, кто на нее вступал, как будто создавая из него фигуру, которая, что немаловажно, ничего не имеет общего с тем, как он ее видит, а скорее похожа на взгляд портретиста XVIII века, ставящего своего героя в зависимость от сословного характера данной персоны, перед галереей с колоннами или перед окном, так, чтобы он ярко выделялся на фоне окна или галереи. Позднее, глядя вниз, я записал: «С каждым веком вещи становятся все более чужими».

Привычное пространство изменяется до неузнаваемости так, что необходимо вновь его осваивать.

(2) Захваченность невозможна без захвата.

Процесс двунаправлен: человек захватывает мир и захватывается миром; человек «захватывает», потребляет дурмящие вещества и захватывается ими (Бибихин, 2011: 46):

никакой субъект ничего никогда не схватит, если раньше того не захвачен, не занят чем-то, чему не он велел захватить и занять его. Об этом сознание не успевает или не хочет думать.

Оттого что захваченность предполагает захват, мы сталкиваемся с неразличностью, границы субъекта стираются, становится трудно определить начало одного тела и конец другого. Можно вспомнить типичную ситуацию — нетрезвого человека, идущего домой. Он бредет по дороге, болтаясь из одной стороны в другую, подобно маятнику, мимо него сложно пройти, он захватывает пространство, мешает проходим. Но если мы спросим его: «Где твой дом? Куда ты идешь?» — ответа может не последовать. Человек потерял себя и свое место, был захвачен дурмящими веществами. Но и он сам тоже что-то захватывает, подобно главному герою из «Иронии Судьбы», который, путая города, занимает не принадлежащую ему квартиру. Опыту захваченности свойственна неразличимость, так же как первоматерии — чистая возможность.

(3) Ослабление нормирующего контроля сознания.

Мы часто называем опьяненных людей неадекватными, тем самым подчеркивая, что некая реальность дана нам в норме трезвости и быть ей подобным можно лишь блюдя эту самую норму. Но и в этом неподобии, неподобании возможно выделить определенное устройство, однако оно незнакомо нам, не присвоено и не освоено нами, отчего и кажется хаосом. Интоксикация ослабляет привычные референты уподобления, устойчивость которых опирается на понятие нормы, набор концепций, предрассудков, убеждений и привычное поведение. Обыденные причинно-следственные связи перестают быть очевидными, слова и действия становятся непоследовательными, неясными, а порой и возмутительными. Разрыв между повседневным и интоксигированным состояниями сознания подробно описывает Бодлер (Бодлер, Осадченко, 1997: 81):

Иногда случается, что люди, совершенно неспособные играть словами, сыплют бесконечными каламбурами, совершенно невероятными взаимосвязями идей, призванными сбить с толку лучших мастеров этого шутовского искусства. Через несколько минут связь мыслей становится столь смутной, нити, которые связывают ваши понятия, слабеют настолько, что только ваши собеседники, ваши единоверцы могут понимать вас. Ваши шутки, взрыв вашего смеха покажутся верхом глупости всякому человеку, который не находится в том же состоянии, что и вы.

(4) Захваченность и интоксикация возвращают к собственному.

В курсе лекций «Собственность. Философия своего» В. Бибихин противопоставляет захваченность занятости как несобственной форме жизни (Бибихин, 2012: 100–101):

...опыт собственного (настоящего) и не требует специальных условий (например юридического оформления), и находит себе путь через искажения. Это известно всем, кто входит в собственное, там впервые, а не заранее теоретически, открывая его захватывающую глубину. [...] Имею ли я право сказать, что мы можем быть собственно захвачены только своим и наоборот, можем встретить свое только в настоящей захваченности? Не похоже, что я ошибаюсь. [...] Свое как собственное, собственное как свое близко нам так, что развернуть уже нельзя: не разворачивается по своей односложности и простоте. Нельзя надеяться, что мы сейчас усилием сознания сконструируем или вычислим, что входит в понятие своего. Свое ускользает от этих потуг сознания.

Что собственного можно встретить в состоянии интоксикации? В каком плане дурманящие вещества могут отсылать к своему? Интоксикация возвращает к собственному постольку, поскольку снижает уровень осознанности и дает с большим, чем обычно, размахом проявиться

бес-сознательному. Нетрезвому человеку легче сказать что-то не то, оговориться, обидеть. Но в оговорках, в неподконтрольных человеку действиях как раз и выражается самое интимное, оно же — неизвестное. Знакомая всем фраза «Как я мог такое сказать!» показывает, как плохо человек знаком со своей материей, но как она, помимо сознательной воли, проявляется и кричит, заявляет о себе. Есть такое свое, которое не освоено и не присвоено, а потому нелогично, непонятно, не определено. Интоксикация высвечивает след леса в нашей психике, неопределенный лес — в нас.

Состояние захваченности дает понять, как человек может быть слит с миром, как он может *быть* без ориентиров, нормы и объектов исследования, в неоформленном. Этот опыт показывает, что материя, подобно деревянной заброшенной кровати, из которой проросло дерево, способна забывать форму, отклоняясь тем самым от цели или меняя ее. Интоксикация возвращает нас к материи, которую нельзя упорядочить, но которая сама приводит все в свой собственный порядок.

Материя не определена для нас и нами, поскольку наше восприятие вместе с открытием всегда что-то и сокрывает. У материи есть собственное устройство, которое непродуктивно понимать через какие-либо определения, потому что тогда она будет зажата в статичных структурах. Вместо этого к материи можно подступиться иначе — через лес, дурманящие вещества, которые захватывают. Даже когда их влияние ослабевает, когда человек выходит из состояния интоксикации и вновь встраивается в предъявляемые ему нормы, опыт материи, леса продолжает действовать в теле (в виде ломки, похмелья) и иногда в рефлексии. Симеон Уэйд описал несколько дней, проведенных им со знаменитым французским философом Мишелем Фуко в Калифорнии. Ему приписывается следующая реплика: «Я очень счастлив. [...] Этой ночью я смог посмотреть свежим взглядом на себя. И сейчас я понимаю мою сексуальность» (Уэйд, Петров, 2020: 102). А далее Симеон спрашивает Фуко: «Вы думаете, это событие повлияет на ваше творчество?» «Определенно», — отвечает Фуко. И оно действительно повлияло. Фуко переписал первый том «Истории сексуальности» в результате опыта, полученного им в пустыне под действием кислоты (там же: 19–21).

Значит ли все вышесказанное, что Владимир Бибахин пропагандирует пьянство и наркоманию? Нет, поскольку лес есть в нашей жизни всегда, а опыт интоксикации лишь высвечивает его, делает более явным, демонстрирует, что человек принадлежит лесу, захвачен им. Более того, Владимир Вениаминович не призывает к возвращению в лес, но

показывает, что посредством определенных практик, исход которых далеко не всегда благоприятен, лес мстит человеку, забывшему о его непосредственной близости. Что нужно тогда? Понять, как мы есть всегда уже с лесом и в лесу.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутин А. В.* Загадки Бибикина / Владимир Бибикин. — 2019. — URL: http://bibikhin.ru/zagadki_bibikhina (дата обр. 4 янв. 2022).
- Беньямин В.* Озарения / пер. с нем. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. — М. : Мартис, 2013.
- Бибикин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Бибикин В. В.* Собственность. Философия своего / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2012. — (Слово о сущем ; 100).
- Бодлер Ш.* О вине и гашише как двух разных средствах умножения личности : Du vin et du haschisch, comparés comme moyens de multiplication de l'individualité // Искусственный рай. Клуб любителей гашиша / hrsg. und aus dem Französischen übers. von В. М. Осадченко. — М. : Аграф, 1997.
- Васильева Т. В.* Комментарий к курсу истории античной философии. — М. : Издатель Савин С. А., 2002.
- Древнегреческо-русский словарь : Около 70.000 слов : в 2 т. / под ред. И. Х. Дворецкого. — М. : ГИИНС, 1958/1960.
- Мардер М.* Близость к лесу / Владимир Бибикин. — 2013. — URL: <http://bibikhin.ru/1900/page/2> (дата обр. 15 марта 2022).
- Платон.* Пир / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Полное собрание творений Платона в 15 томах. В 6 т. Т. 5 / под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. — СПб. : Academia, 1922. — С. 3–83.
- Рикёр П.* Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля / пер. с фр. И. С. Вдовиной. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2019.
- Уэйд С.* Мишель Фуко в Долине Смерти / пер. с англ. И. Н. Петрова. — М. : Рипол-классик, 2020.
- Чанышев А. Н.* Аристотель. — М. : Мысль, 1986.
- Черняков А. Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Efimova, D. R. 2022. "Intoksikatsiya lesom kak sluchay zakhvachennosti [Intoxication by the Woods as a Case of Captivation]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 92–104.

DARIA EFIMOVA

BA STUDENT

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY (SAINT PETERSBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-0542-1114

INTOXICATION BY THE WOODS AS A CASE OF CAPTIVATION

Submitted: May 15, 2022. Reviewed: Aug. 05, 2022. Accepted: Aug. 10, 2022.

Abstract: In the series of lectures *Woods (Hyle): (Problem of Matter, History of the Concept, Living Matter in Ancient and Modern Biology)*, Vladimir Bibikhin, while reviewing the Aristotelian notion of matter, repeatedly mentions various intoxicants. However, the role that they play seems unclear. This article aims to explain the meaning and importance of intoxicants for interpreting the notion of matter. The article considers Bibikhin's interpretation of the Aristotelian notion of matter and juxtaposes it with other commentators of Aristotle (Vasileva T., Riker P., Chanyshv A., Chernyakov A.). Emphasis is placed on the interpretation of the indefiniteness of matter since V. Bibikhin's position differs from P. Ricoeur's. After a preliminary explanation of the fundamental indeterminacy of matter, it is argued that the question "What matters?" is counterproductive. As an alternative, a phenomenological question is suggested: "In what relations with matter are we?". To answer this question, we use Bibikhin's notion of captivation, the dictionary meaning of the word matter (woods), and the notion of intoxication. They allow us to explore the problems of one's escape from the metrical and moral coordinates, shattering the normative control of consciousness, eliminating norm and form notions, and returning to one's own (proper). A description of the state of captivation as a consequence of intoxication by woods allows us to demonstrate in what sense matter can be understood as indefinite.

Keywords: V. Bibikhin, Aristotle, Matter, Form, Woods, Captivation, Intoxication.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-92-104.

REFERENCES

- Akhutin, A. V. 2019. "Zagadki Bibikhina [Bibikhin's Riddles]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 4, 2022. http://bibikhin.ru/zagadki_bibikhina.
- Baudelaire, Ch. 1997. "O vine i gashishe kak dvukh raznykh sredstvakh umnozheniya lichnosti: Du vin et du hasshisch, somparés comme moyens de multiplication de l'individualité" [in Russian]. In *Iskusstvennyy ray. Klub lyubiteley gashisha [Les Paradis artificiels]*, ed. and trans. from the French by V. M. Osadchenko. Moskva [Moscow]: Agraf.
- Benjamin, W. 2013. *Ozareniya [Illuminationen]* [in Russian]. Trans. from the German by N. M. Bernovskaya, Yu. A. Danilov, and S. A. Romashko. Moskva [Moscow]: Martis.
- Bibikhin, V. V. 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2012. *Sobstvennost' [Ownership]*. *Filosofiya svoyego [Ownership]*. *Philosophy of the Own* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Chanyshv, A. N. 1986. *Aristotel' [Aristotle]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Chernyakov, A. G. 2001. *Ontologiya vremeni. Bytiye i vremya v filosofii Aristotelya, Guserlya i Khaydeggera [The Ontology of Time. Being and Time in Aristotle, Husserl]*

- and Heidegger*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.
- Dvoretzkiy, I. Kh., ed. 1958/1960. *Drevnegrechesko-russkiy slovar' [Works]: Okolo 70.000 slov [About 70.000 Words]* [in Russian and Ancient Greek]. 2 vols. Moskva [Moscow]: GIINS.
- Marder, M. 2013. "Blizost' k lesu [Proximity to the Woods]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Mar. 15, 2022. <http://bibikhin.ru/1900/page/2>.
- Platon [Plato]. 1922. *Pir [Symposium]* [in Russian]. In vol. 5 of *Polnoye sobraniye tvoreniy Platona v 15 tomakh [Complete Collection of Plato's Works]*, ed. by S. A. Zhebelev, L. P. Karsavin, and E. L. Radlov, trans. from the Ancient Greek by S. A. Zhebelev, 3–83. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Academia.
- Ricoeur, P. 2019. *Bytiye, sushchnost' i substantsiya u Platona i Aristotelya [Être, essence et substance chez Platon et Aristote]* [in Russian]. Trans. from the French by I. S. Vdovina. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
- Vasil'yeva, T. V. 2002. *Kommentariy k kursu istorii antichnoy filosofii [Commentary on the Course of the History of Ancient Philosophy]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel' Savin S. A.
- Wade, S. 2020. *Mishel' Fuko v Doline Smerti [Foucault in California]* [in Russian]. Trans. from the English by I. N. Petrov. Moskva [Moscow]: Ripol-klassik.